

Карл Чинн

**«Острые козырьки»: как
это было. Билли
Кимбер, «Бирмингемская
банда» и ипподромные
войны 1920-х**

«АСТ»

2014

УДК 94(410)"19"
ББК 63.3(4Вел)

Чинн К.

К. Чинн — «АСТ», 2014

ISBN 978-5-17-092936-8

УДК 94(410)"19"
ББК 63.3(4Вел)

ISBN 978-5-17-092936-8

© Чинн К., 2014
© АСТ, 2014

Карл Чинн
«Острые козырьки»: как это было.
Билли Кимбер, «Бирмингемская
банда» и ипподромные войны 1920-х

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18481376

*«Острые козырьки»: как это было. Билли Кимбер, «Бирмингемская банда» и ипподромные войны 1920-х: Издательство АСТ; М.; 2016
ISBN 978-5-17-092936-8*

Аннотация

Стильный и мрачный, сериал канала «Би-би-си» «Острые козырьки» повествует о жизни темных закоулков Бирмингема после Первой мировой войны и постепенном росте влияния Томаса Шелби и его разбойной банды. Но мало кто знает, что за вымышленными персонажами сериала стоят столь же захватывающие, кровавые и интригующие истории, как и те, что показаны на телеэкране.

В отличие от Шелби, его заклятый враг, лондонский гангстер Билли Кимбер, – реальный человек, разве что живший также в Бирмингеме. Проницательный ум, харизма и дипломатические таланты этого грозного бойца позволили ему стать лидером знаменитой «Бирмингемской банды», наводившей ужас на ипподромы Англии.

«Драчуны», «головорезы», «хулиганы», «потрошители» или даже просто «парни» – все эти эпитеты в разное время появлялись в прессе для обозначения организованной преступности Великобритании рубежа XIX–XX веков. Но ни один из них не стал настолько популярным и нарицательным, как «острые козырьки» Билли Кимбера. И вот их подлинная история.

Содержание

Введение	7
Глава 1	9
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Карл Чинн

«Острые козырьки»: Как это было. Билли Кимбер, «Бирмингемская банда» и ипподромные войны 1920-х

© Carl Chinn 2014

© З. Мамедьяров, перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Книга «“Острые козырьки”: Как это было» основана на статьях Карла Чинна, которые были опубликованы в газете «Бирмингем Мейл» с 14 сентября по 30 ноября 2013 года.

Автор выражает глубочайшую признательность Брайану Макдональду, Музею полиции Западного Мидлендса, Дейву Кроссу и Маку Джозефу за иллюстрации, использованные в оформлении обложки книги.

Введение

Благодаря захватывающей кинематографии, прекрасной игре актеров и цепляющему названию, сериал «Острые козырьки», выпущенный на канале «Би-би-си-2» осенью 2013 года, привлек внимание множества зрителей и критиков. Выдержанный в едином мрачном стиле, он повествует о жизни темных закоулков Бирмингема после Первой мировой войны и постепенном росте влияния Томми Шелби и его разбойной банды «острых козырьков». Одетые с иголки бандиты получили свое прозвище из-за оружия, которое использовали в битвах: они вшивали в козырьки своих кепок лезвия бритв и рассекали ими лбы противников, чтобы кровь ослепляла их, заливая глаза.

Ветеран Первой мировой войны, разум которого поврежден увиденными на фронте ужасами и заиклен на получении как можно большего количества денег незаконным путем, Томми Шелби – это собирательный образ. Он заправлял напоминающими подпольные забегазки нелегальными букмекерскими конторами в районе Смолл-Хит, но теперь решил сорвать куш, крышуя скачки по всей Англии. Этим занимался Билли Кимбер, хитрый лондонский гангстер, который верховодил жестокой бандой разбойников и сколотил громадное состояние, угрожая букмекерам и предоставляя им дорогостоящие «услуги».

Отсылки к бирмингемским пабам вроде «Гаррисона» и фирмам наподобие «Би-Эс-Эй» вписали захватывающий, динамичный сюжет и меланхоличную атмосферу сериала в исторический контекст и помогли завоевать сердца зрителей со всех уголков страны. Получив прекрасные отзывы критиков, в 2014 году «Острые козырьки» удостоились двух наград BAFTA в области телевидения и принесли успех создателю сериала Стивену Найту.

Сам родом из Бирмингема, Найт 20 августа 2013 года признался в интервью газете «Бирмингем Мейл», что хотел рассказать историю, основанную на «семейных легендах и исторических фактах. Это художественный вымысел, вплетенный в канву исторических фактов, невероятно интересных и кинематографичных, но, по сугубо английским причинам, живущих лишь на страницах учебников истории». Этот уникальный подход позволил профессору кинематографии и телевизионных искусств Роджеру Шеннону назвать сериал «сагой о рабочем классе Бирмингема, которая мифологизирует жизнь того времени».

За вымышленными персонажами «Острых козырьков» стоят столь же захватывающие, кровавые и интригующие истории, как и те, что рассказаны в мифологической саге. Заклятый враг Томми Шелби Билли Кимбер имеет исторического прототипа, хотя тот, наиболее влиятельный в Англии гангстер интересующего нас периода, не был лондонцем, как это показано в сериале, а жил также в Бирмингеме, на Саммер-лейн. Очень сильный физически, он был грозным бойцом, проницательный ум и притягательная личность которого позволили ему стать лидером целой сети опасных и беспринципных преступников из Бирмингема, заправлявших на весьма прибыльном поприще крышевания ипподромов Англии.

Как и сам Кимбер, члены «Бирмингемской банды» происходили из бесславных шаек городских карманников и воров, которые терроризировали посетителей скачек вплоть до 1914 года. Известные под общим прозвищем «Бирмингемские парни», эти шайки возникли в 1870-х – в то самое десятилетие, когда появились и печально знаменитые бирмингемские банды «драчунов». С начала 1890-х годов за ними закрепилось и другое название – «острые козырьки», – которое быстро подхватили по всей стране и которое вошло в рабочий фольклор города.

Весьма вероятно, что многие члены «Бирмингемской банды» раньше были «драчунами» или «острыми козырьками», но ее господство на весьма прибыльных ипподромах на юге Англии было обусловлено не только их жестокостью, но и удачными союзами Кимбера с грозными братьями Макдональд из южнолондонской банды «Парни из Элефанта» и «Кам-

денской бандой» Джорджа «Брамми»¹ Сейджа. Их несправедливо нажитые богатства вызвали зависть лондонской банды Сабини и ее приспешников, которые упорно пытались вытеснить Кимбера со товарищи с ипподромов и прибрать к рукам их бизнес. Не желая сдавать позиции, «Бирмингемская банда» и ее союзники отчаянно сопротивлялись в ходе кровавых ипподромных войн 1920-х годов. Заклеймленные прессой члены этой «Бирмингемской банды» во главе с Билли Кимбером и были настоящими острыми козырьками, и вот их история.

¹ Брамми (англ. Brummy) – прозвище жителей Бирмингема.

Глава 1

Банды «драчунов» и «острые козырьки»

Нападение на Джорджа Иствуда, совершенное бандитами вечером в воскресенье, 23 марта 1890 года, было таким жестоким, что два дня спустя газета «Бирмингем Дейли Пост» назвала его «покушением на убийство». Джордж жил в скромном доме на Артур-стрит и тем судьбоносным вечером отправился выпить в паб «Рейнбоу» на Эддерли-стрит. К его несчастью, туда же заглянул Томас Маклоу с двумя приятелями-головорезами. Юный трезвенник Джордж заказал имбирное пиво. Этот безобидный шаг тут же подвергся насмешкам членов банды. Они высмеяли принципы Джорджа, и 29 мая газета «Пост» сообщила, что Маклоу сказал: «На кой тебе это поило?» Иствуд посоветовал ему не лезть не в свое дело, и после этого Маклоу вызвал его на бой, но Джордж отказался.

Все они вышли из паба около одиннадцати, и Иствуд пошел домой по Эддерли-стрит. Он успел сделать всего несколько шагов и зайти под кирпичный железнодорожный мост, пересекавший улицу, когда Маклоу нанес своей невинной жертве сокрушительный удар. Джордж упал и, «вероятно, ударился головой о бордюр, что привело к появлению трещины у него на черепе». Пока он лежал на земле, один из подлых приятелей Маклоу несколько раз пнул его и ударил пряжкой ремня. Сумев каким-то образом подняться, Джордж побежал налево, по Лоуэр-Тринити-стрит, преследуемый бандитами.

Паб «Рейнбоу» на углу Хай-Стрит-Бордсли и Эддерли-стрит (справа); фотография сделана в ноябре 1958 года. В марте 1890 года, когда Джордж Иствуд вышел из этого паба, на него напали члены банды «острых козырьков» из Смолл-Хита. (Если не указано иное, фотографии взяты из «Архива бирмингемской жизни».)

Должно быть, он до смерти испугался и с прытью человека, спасающего свою жизнь, перелез через забор школы на Элкок-стрит, пересек детскую площадку и выбежал на саму Элкок-стрит. Отчаянно желая скрыться от преследователей, он, видимо, постучал в дверь

дома мистера Тернера, который любезно пустил несчастного, несмотря на громкие угрозы Маклоу и его головорезов, которые остались на улице.

Позже, тем же вечером, Джорджа Иствуда в тяжелом состоянии привезли в Королевскую больницу на Бат-Роу. В дополнение к «серьезным ушибам тела у него обнаружили трещину в черепе и два или три пореза на голове». Травма головы была столь серьезной, что ему пришлось сделать трепанацию, то есть просверлить отверстие у него в черепе. Прошло более трех недель, прежде чем Джордж смог выписаться из больницы.

Томас Маклоу, двадцати шести лет от роду, оказался единственным членом банды, которого опознали и арестовали. Он был извозчиком и сам жил на Эддерли-стрит. Хотя свидетели подтвердили его хорошую репутацию, Тома признали виновным в незаконном и умышленном причинении тяжких телесных повреждений. Когда обвинение заявило о том, что Маклоу напал на потерпевшего без провокации со стороны последнего и подстрекал остальных членов банды к избиению жертвы, Томаса приговорили к девяти месяцам каторжных работ в бирмингемской тюрьме.

Почти через две недели после подлого нападения на Джорджа Иствуда новости о нем дошли до читателей газеты «Лондон Дейли Ньюс». 9 апреля в ней была опубликована выдержка из письма жителя Бирмингема в местную газету, в котором утверждалось, что покушение на убийство совершили члены банды «Острые козырьки» из Смолл-Хита. Это письмо также появилось на страницах других газет, включая «Эдинбург Ивнинг Ньюс» и «Абердин Джоурнал». Именно так в печати впервые были упомянуты «острые козырьки», которыми прозвали хулиганов из множества банд, заправлявших на определенных улицах и в определенных районах Бирмингема 1890-х годов, – банд, которые наводили на всех ужас своей жестокостью и склонностью использовать в драках подбитые железом сапоги, камни, пряжки ремней, а иногда и ножи.

До этого момента бирмингемских хулиганов называли «драчунами», потому что они принадлежали к одноименным бандам, появившимся за шестнадцать лет до нападения на Джорджа Иствуда. 20 июня 1874 года газета «Лидс Меркьюри» язвительно заметила, что в Бирмингеме стало очень популярно проводить время за драками. В статье объяснялось, что «это удивительно интересная забава, в которой может одновременно принимать участие любое количество людей за скромную плату в виде реальной возможности пробить себе голову». Противоборствующие в драках стороны постепенно оформлялись во враждующие преступные группировки, которые выслеживали друг друга и «быстро закидывали друг друга камнями». Порой они вносили разнообразие в эту рутину, кидая камни в безобидных прохожих – часто в женщин и детей, которых они заодно и грабили. В газете говорилось, что во время этих нападений полиции никогда не оказывалось рядом, а в драках участвовали в основном подростки.

Этот феномен был впервые замечен двумя годами ранее. 8 апреля 1872 года «Бирмингем Дейли Пост» опубликовала заметку о дебоше, устроенном «бандой драчунов». Накануне, в воскресенье, в районе Чипсайд собралась «большая группа буянов», что «сильно испугало всех жителей». Их было не меньше четырехсот, и они называли себя бандой «драчунов». Устроив беспорядки и разбив несколько окон, банда переместилась на Хилл-стрит, где «они швыряли кирпичи и камни в окна открытых окрестных лавок (небольших магазинов) и кондитерских».

Вид на Чипсайд с Алчестер-стрит, 1930-е. В 1872 году в Чипсайте произошел первый дебош банды «драчунов».

Владельцам магазинов пришлось закрыть ставни, чтобы защитить помещения, а один из них получил удар кирпичом и вынужден был обратиться в больницу. Некоторое время дебоширы терроризировали всех прохожих, останавливая и оскорбляя каждого из них. В конце концов они бросились врассыпную, когда на месте появился небольшой отряд полиции. На обратном пути в Чипсайд «драчунов» перехватил второй полицейский отряд.

Было очевидно, что любовь к дракам возникла не на пустом месте и что одной бандой «драчунов» дело не ограничивалось. Это подтвердилось, когда «Пост» сообщила о группе подростков, которых обвинили в нарушении общественного порядка и кидании камней на Ри-Стрит-Саут вечером 9 апреля. Начальник полиции Спир доложил мировым судьям, что в течение трех-четырех недель жители Чипсайда, Барфорд-стрит и окрестных районов жаловались на крупные группы мальчишек, которые разбивали окна в округе.

Каждому из арестованных был выписан штраф на 20 шиллингов – недельный заработок квалифицированного рабочего – с возможностью заменить штраф трехнедельным заключением. Один из судей выразил надежду, что полиция предпримет надлежащие меры и задержит тех нарушителей спокойствия, которые были старше ребят, представших перед судом.

Следующим вечером, 10 апреля, от 70 до 80 «драчунов» заметили на Нортвуд-стрит и Конститушн-Хилл. Несколько из них, вооруженных палками и крупными камнями, избili полицейского констебля и убежали на Кокс-стрит. Двое были арестованы. Тринадцатилетний машинист Джон Гиббон жил на Уотер-стрит, совсем рядом с центром событий. Недалеко оттуда, на Хоспитал-стрит, находился дом четырнадцатилетнего точильщика Майкла Лоури. Их обоих приговорили к двухнедельному заключению.

Двое участвовавших в воскресном дебоше подростков предстали перед тем же судом. Рабочему Уильяму Кокериллу было шестнадцать, а еще одному точильщику, Джеймсу Дэвису, – четырнадцать. У обоих не было определенного места жительства. Их обвинили в швырянии камней и краже селедки с рынка, и Кокерилла отправили в тюрьму на шесть недель, а Дэвиса – на три.

Одним из четырех судей, вынесших приговор, был доктор Мелсон, который и сам пострадал в то воскресенье от действий «драчунов», когда банда собралась прямо под окнами его дома. В отсутствие какой-либо поддержки он лично вышел на улицу и ударил одного из хулиганов кочергой. Затем сын доктора Мелсона погнался за бандой и схватил за шиворот ее предводителя. Из-за этого «драчуны» напали на него, и юноша вернулся домой с разбитой губой и разодранными ушами, весь покрытый кровью.

Доктор Мелсон заявил, что «это швыряние камней уже перешло все границы, а молва уже судачит о том, что на улицах города небезопасно». Он без устали жаловался на эти неудобства и «сказал, что, как только любой из этих мальчишек предстанет перед ним, он не будет разбираться, есть ли свидетели, которые видели, как он швырял камни, а поступит с ним по всей строгости».

К несчастью, швыряние камней продолжало доставлять серьезные затруднения горожанам, и 30 марта 1873 года полиция столкнулась с несколькими жестокими мятежами в разных частях города. На Ри-Стрит-Саут толпа закидала камнями полицейских в попытке освободить заключенного. На Фарм-стрит в Хокли пассажиров омнибуса оскорбили и забросали грязью, а на Грейт-Хэмптон-стрит полиция и пассажиры другого экипажа подверглись бомбардировке камнями и комьями земли.

Стало ясно, что банды «драчунов» собирались в районе ряда улиц, которые и без того славилась своими малолетними хулиганами, и что эти банды не только нападали на прохожих и полицейских, но и противоборствовали друг с другом. 29 марта 1873 года «Пост» сообщила о вражде между бандами с Бредфорд-стрит и Парк-стрит. Через полтора года Томас Джойс стал предводителем банды «драчунов» с Эллисон-стрит, а в конце сентября 1874 года он вместе с Эндрю Тоем выдвинул обвинение в разбойном нападении против Уильяма Смолвуда.

Мост Деритенд, где Томас Джойс и Эндрю Той напали на Уильяма Смолвуда.

Утверждалось, что Смолвуд входил в число двадцати парней, которые напали на Джойса и Тоя на мосту Деритенд. Используя ремень с пряжкой, он сильно повредил головы обоих мужчин. Однако независимый свидетель заявил, что это Джойс и Той напали на Смол-

вуда с ножами, и ему пришлось применить ремень для самозащиты. Смолвуд был оправдан, так как судьи решили, что он в порядке самообороны задал истцам неплохую трепку.

Банды «драчунов» собирались также на Милк-стрит, Барн-стрит, Бенакр-стрит и Шип-стрит и в центральных районах Бирмингема – Дигбете, Деритенде, Госта-Грине и Хайгейте. Первая вспышка драк в этих местах угасла к концу 1870-х, но в середине 1880-х город захлестнула новая волна бандитизма, которая распространялась из более старых районов.

Среди новых «драчунов» особенно выделялись выходцы из Астона – банда с Уэй-нрайт-стрит, банда с Уайтхаус-стрит, в которую входили безжалостные братья Симпсон, и банда «Десять арок», в той или иной форме просуществовавшая более тридцати лет. Эти небольшие группировки могли объединяться под общим названием «Драчуны из Астона» и выходить на бой против «Драчунов из Нечельса», как случилось 15 августа 1886 года, когда сотни мужчин и юношей сошлись в генеральном сражении в окрестностях Роки-лейн. Вооруженные тяжелыми ремнями, палками, кирпичами и другими инструментами, они устроили такие беспорядки, что, по сведениям «Бирмингем Дейли Пост», пришлось поднять на ноги всех полицейских Астона и усилить полицейские патрули в соседних районах города.

В 1890-х членов этих банд по-прежнему называли «драчунами», но постепенно в обиход вошло и другое название – «острые козырьки». Например, 27 июня 1895 года в газете «Манчестер Ивнинг Ньюс» под заголовком «Бирмингемские банды “драчунов”» была опубликована небольшая заметка о заключении двух мужчин за «жестокое нападение на третьего с тяжелой дубинкой и кочергами». Все трое, как указывалось, были «членами соперничающих банд “острых козырьков”, которые обычно шатаются по улицам и нападают на прохожих или завязывают драки с другими бандами».

И все же большее внимание привлекло именно название «острые козырьки», а не «драчуны» – их даже поставили в один ряд с другими печально знаменитыми бандами вроде лондонских «хулиганов», манчестерских «головорезов» и ливерпульских «потрошителей». Именно название «острые козырьки», а не «драчуны», снискало себе дурную славу и вошло в фольклор.

А ведь «господство острых козырьков» продолжалось недолго. Суровый полицейский контроль, длительные тюремные сроки и различные социальные факторы – к примеру, влияние школьного образования и появление множества клубов для занятий боксом – привели к исчезновению банды в начале двадцатого века. И правда, в июне 1902 года газета «Шеффилд Ивнинг Телеграф» опубликовала статью о лондонских хулиганах, в которой упомянула, что бирмингемские «острые козырьки» к тому моменту уже были подавлены. Но даже если они исчезли перед Первой мировой войной и не существовали до 1920-х, печальная слава «острых козырьков» и их грозное название, в котором чувствовался дух насилия и гангстерства, не позволили банде уйти в историю. Более того, их сомнительная репутация подкреплялась множеством историй, ошибочно утверждавших, что они вшивали лезвия в козырьки своих кепок и затем использовали их как оружие в битве.

Ничего подобного не упоминается ни в одной опубликованной в те годы газетной статье об «острых козырьках» и «драчунах». Похоже, этот слух родился не из факта, а из вымысла – из романа Джона Дугласа «Прогулка по Саммер-лейн», действие которого разворачивается в межвоенные годы. Он вышел в свет в 1977 году и вызвал фурор, так как многие жители Саммер-лейн посчитали, что он играет на отрицательных стереотипах о районе и подкрепляет их. Бирмингемская газета «Ивнинг Мейл» печатала роман по главам, и читатели невзлюбили его за изображение Саммер-лейн в качестве трущоб, населенных грубиянами и выпивохами.

В ответ Паулина и Бернارد Мэннионы написали более честную и правдивую книгу под названием «Саммер-лейн и Ньютаун в межвоенные годы: 1918–1938». Паулина заметила,

что «о Саммер-лейн рассказано уже множество историй, правдивых и не очень», и подчеркнула, что они с братом выросли на Саммер-лейн и «хотят, чтобы их воспоминания о жизни там в 1920-х и 1930-х годах стали достоянием общественности».

Мэннионы открыто подчеркнули господствовавшие на Саммер-лейн добрососедские отношения и свою гордость этой улицей – качества, которые присущи всем выходцам из бедных городских районов Британии. Они признали, что драки действительно случались, особенно субботними вечерами, но такие драки происходили во многих уголках Англии. Мэннионы вообще не упомянули об «острых козырьках», и это неудивительно, ведь в 1920-х в Бирмингеме «острых козырьков» не было вовсе.

Само собой, как и в любом крупном городе, в бедных рабочих районах было полно суровых ребят. На Саммер-лейн особенно выделялись Кирби, печально известные на всю страну. 21 марта 1927 года газета «Ивнинг Телеграф» в шотландском Ангусе напечатала короткую заметку, в которой сообщалось, что «бирмингемская полиция предпринимает решительные меры по зачистке города от хулиганских банд, которые в последние пять недель явно подражали “бирмингемским парням” тридцатилетней давности». В частности, за жестокое нападение на полицейского к двум месяцам тюремного заключения были приговорены Джеймс Кирби, двадцати шести лет и Фредерик Кирби, двадцати четырех лет.

Мой двоюродный дедушка Джордж Вуд, который приходился дядей моей матери, тоже был не из робких и во время Второй мировой войны получил звание сержанта 2-го батальона Специальной воздушной службы. Он родился в 1915 году и вырос на Уайтхаус-стрит в Астоне. Он рассказывал мне, что:

...детьми мы дрались с мальчишками с других улиц – Авеню-роуд, Честер-стрит, Холланд-роуд, Роки-лейн. О, мы, с Уайтхаус-стрит, были настоящими королями севера. Я, Даги Айрес, Джеки Хант, Герберт Мортибой, Бобби Стил и многие другие. Люди смотрели, как мы деремся. На кулаках. Зная, что никто не собирается друг друга калечить. Падая, ты выбывал из драки. Никаких пинков. Тогда мы дрались в тесном кольце зрителей. Копы вмешивались, только если кто-то получал повреждение.

Бирмингемский букмекер Хорас Боттрелл (в котелке). Снимок сделан на ипподроме в конце 1940-х годов. Справа, в макинтоше, – еще один букмекер, Джим Дэвис. Между ними сидит Берт Кирби, семья которого в межвоенные годы пользовалась опасной репутацией в окрестностях Саммер-лейн. В ноябре 1930 года Берт Кирби стал чемпионом Британии по боксу в наилегчайшем весе, но носил этот титул меньше года, а его брат Джек был чемпионом Мидлендса в наилегчайшем весе.

Став старше, наш Джорджи дрался с несколькими крепкими орешками и вышел из этих битв победителем. Одним из них был Крошка М, «который, как считалось, был едва ли не худшим парнем в Астоне. Я подрался с ним и остановил все трамваи на главной дороге в верхней части Уайтхаус-стрит. О, я его побил и побежал за ним, но не смог догнать». Дядя Джордж знал и Кирби, с которыми встречался на танцах в зале памяти на Уайтхаус-стрит.

Они были хорошими ребятами, эти Кирби. Душой компании. Берт был чемпионом Великобритании по боксу в наилегчайшем весе, а Джек дрался с Бертом Тейлором в банях на Вудкок-стрит, а на следующей неделе – уже в других банях. Берт Кирби захаживал на танцы на Уайтхаус-стрит. Они брали бутылку и распивали ее прямо на танцплощадке. Открывали двери. Кирби всегда были на высоте. Они приходили из разных мест.

Мы дрались в пятницу вечером на Уайтхаус-стрит. Все стулья на танцплощадке сдвигали в сторону, и поначалу их использовали в драках. Это вам не шутки – получить стулом по голове и все такое. Потом стулья стали прикручивать к полу, чтобы этого не происходило. Тогда они садились, дожидались начала танцев и ставили подножки танцующим. Мы обычно уходили. Иначе подцепишь там цыпочку и валишься с ног – разве это дело?

Дядя Джордж также вспоминал, что, «как ни странно, в разных районах были разные кепки. Были банды в клетчатых кепках, банды в коричневых кепках...» И все же он ни разу не говорил, что в козырьки этих кепок вшивались лезвия. А Джон Дуглас в своем художественном описании Саммер-лейн утверждал, что в то время многие носили острые козырьки. Он писал, что козырек кепки «обычно распарывался, и в него вставлялись монетки, лезвия или кусочки металла, после чего ткань снова сшивали».

Мой двоюродный дедушка Джордж Вуд – сержант, сидит вторым слева во втором ряду. Снимок сделан незадолго до окончания Второй мировой войны. На нем состав 2-го батальона Специальной воздушной службы, сформированного в Северной Африке в 1943 году. Будучи шлифовальщиком, дядя Джордж вступил в ряды Королевской артиллерии в 1934-м в возрасте девятнадцати лет и служил на Мальте во время осады острова немцами с лета 1940 по ноябрь 1942 года.

Через год его перевели во 2-й батальон СВС, а еще через три месяца повысили в звании до исполняющего обязанности сержанта. Двадцать седьмого июля 1944 года он стал сержантом. Служа в СВС, дядя Джордж принимал участие в операциях, последовавших за вторжением в Италию. Затем он вошел в состав бригады СВС, которую высадили с парашютами в тыл немцев во Франции, чтобы вести подрывную деятельность в поддержку высадки союзников в Нормандии до дня начала операции 6 июня 1944 года.

Это было самым опасным заданием, ведь гитлеровский указ о диверсантах предписывал немцам солдатам убивать схваченных членов бригады без суда и следствия. Так были казнены более 60 бойцов СВС. После высадки бригада СВС оказывала поддержку союзникам по мере их продвижения к Германии. К счастью, дядя Джордж выжил, в 1946 году был демобилизован и вернулся на работу на складе металлолома в Астоне.

В драке такие кепки «срывали с головы и швыряли в глаза противнику, моментально ослепляя его, либо разрезали ими щеки». Нет никаких свидетельств, что кепки действительно использовались таким образом в качестве оружия. На самом деле любой искушенный в драках человек отверг бы саму возможность этого, ведь кепка сшита из мягкой материи. «Сорвав ее с головы», нелегко придать ей нужное направление и силу, чтобы нанести противнику серьезные повреждения.

К разряду вымыслов относится и то, что острые козырьки бодались с противниками, используя вшитые в козырьки их кепок лезвия. Этому также нет никаких свидетельств, а сам сценарий крайне невероятен, учитывая, как сложно нанести сильный удар именно узким козырьком, а не лбом.

История о вшитых в козырьки кепок лезвиях – это всего лишь история. Опасные бритвы действительно использовались в драках как холодное оружие, но они были слишком велики, чтобы вшивать их в козырьки кепок, поэтому их держали за рукоятку. Безопасные бритвы были меньше, но их изобрели в Америке и не рекламировали и не продавали в Британии до середины 1890-х. К тому же они стоили дорого. В январе 1896 года газета «Шеффилд Дейли Телеграф» дала рекламу семи шеффилдских бритв с вогнутыми лезвиями из лучшей стали, черными рукоятками и чехлом из лошадиной кожи, которые продавались за двенадцать шиллингов и шесть пенсов (62½ пенса). Это составляло более половины недельного заработка неквалифицированного работника.

Безопасные бритвы считались предметом роскоши, что подчеркивается списком подарков на изысканную свадьбу, перечисленным в газете «Нортгэмптон Меркьюри» 20 января 1899 года. В него вошло множество столового серебра, подаренного жениху, а также набор безопасных бритв. Более того, лезвия для этих бритв не были одноразовыми – они нуждались в правлении и заточке. Более дешевые одноразовые лезвия для безопасных бритв появились только в межвоенные годы. До этого времени выходцы из рабочего класса брились собственными опасными бритвами или у цирюльника, так как они не могли себе позволить покупку лезвий для безопасных бритв.

Пересечение Бромсгроув-стрит и Першор-стрит в октябре 1957 года; спасибо покойному Деннису и Хорасу Холлам. Паб «Стэг энд Физант», где в 1895 году «острые козырьки» напали на двух полицейских констеблей, находился на ближайшем углу. На фотографии на его месте находится магазин с рекламой плитки.

Раз лезвия не вшивались в козырьки кепок хулиганов, то как же дрались «острые козырьки»? Опубликованная 30 октября 1895 года в «Пост» статья изобилует кровавыми подробностями. Накануне вечером двух полицейских констеблей вызвали, чтобы усмирить банду из 20–30 «острых козырьков», разгуливавшуюся в пабе «Стэг энд Физант» на углу Бромсгроув-стрит и Першор-стрит. Выйдя на улицу, они в очередной раз устроили беспорядки, и один из хулиганов по фамилии Уоррен напал на полицейских, которые собирались препроводить его под арест. Вслед за этим банда «стала пинать и избивать их». Джеймс Касон двадцати восьми лет лягнул в живот полицейского констебля Беннетта и освободил Уоррена. Обоих хулиганов впоследствии арестовали. Уоррена приговорили к шести месяцам тюремного заключения, а Касона — к шести неделям каторжных работ. До этого он был судим восемнадцать раз.

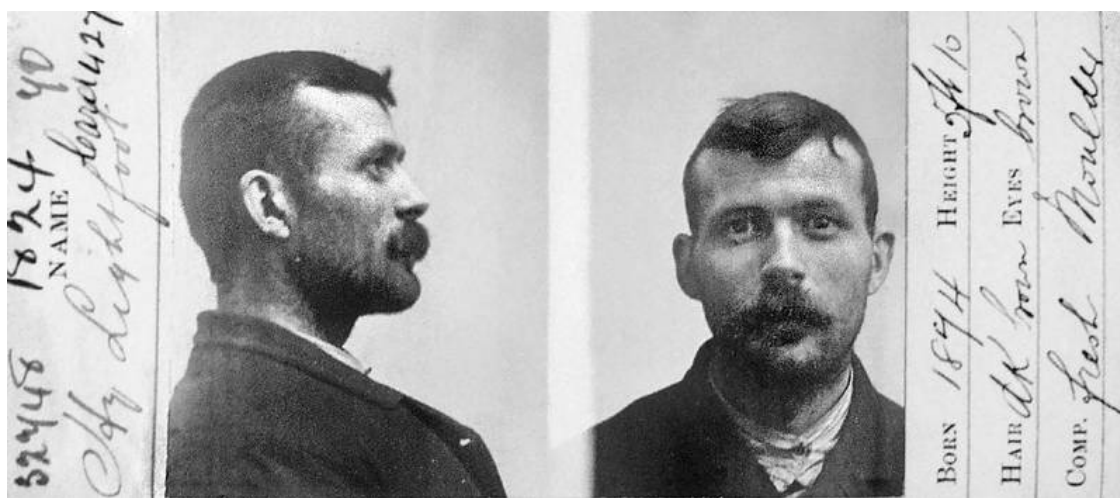
Через три года констебль Беннетт пожурил нескольких юнцов, которых выгнали из театра за неподобающее поведение. По сведениям «Челтнхем Кроникл» от 12 января 1901 года, «острый козырек» по имени Томас Уолтерс вытащил длинный карманный нож и вонзил его в спину полицейскому. Рана была очень серьезной и «могла стать смертельной, если бы удар пришелся всего на один дюйм ниже». Хотя Уолтерс был совсем юн, его приговорили

к пяти годам каторжных работ за умышленное нанесение ран. Мировой судья пожалел, что не может наказать виновного еще суровее.

К излюбленному оружию «острых козырьков» и «драчунов» относились также короткие, увесистые дубинки наподобие тех, что используют полицейские. В четверг, 27 июня 1895 года, газета «Манчестер Ивнинг Ньюс» опубликовала заметку под заголовком «Бирмингемские банды драчунов», в которой сообщалось, что два члена банды «острых козырьков» были арестованы за избиение члена враждебной банды тяжелыми дубинками и кочергами.

Одним из самых знаменитых «острых козырьков» был восемнадцатилетний кузнец Генри Лайтфут. Второго ноября 1888 года газета «Бирмингем Дейли Пост» сообщила, что он, Джон Мур и Ричард Чамберлен были «закоренелыми преступниками», которых обвиняли в краже восьми медных дверных ручек. И Лайтфута, и Мура охарактеризовали как «из ряда вон плохих» личностей и приговорили к девяти месяцам каторжных работ. С 1886 года Лайтфута четырежды осуждали за кражу, включая кражу трех голубей, утки и шерстяной куртки. Несмотря на тюремный срок, он снова нарушил закон.

В августе 1891 года, когда его вместе с тремя сообщниками обвинили в умышленной порче стога сена в Экокс-Грин, он заявил, что живет в Грите; в марте 1892-го он, похоже, работал литейщиком, жил на Болтон-роуд в Смолл-Хите и был обвинен в краже футбольного мяча; еще через полтора года, вместе с двумя поделщиками представ перед судьями за нападение, он назвался маляром. Один из банды повалил потерпевшего на землю, а Лайтфут с сообщником принялись пинать его. Утверждалось, что их прекрасно знали в округе и что все трое уже признавались виновными в совместном нападении. Лайтфута приговорили к одному месяцу каторжных работ.

Молодой Генри Лайтфут в 1892 году. Спасибо Музею полиции Западного Мидлендса и Дейву Кроссу за фотографии преступников.

Затем, 3 декабря 1895 года, Лайтфут вошел в число первых хулиганов, которых называли «острыми козырьками». Не имея определенного места жительства, он был обвинен в пьянстве, в неподобающем поведении и в нескольких нападениях. Поздно вечером в субботу «он вообразил, что недоволен несколькими мужчинами» в пивной. Вскочив с места, он избил палкой несколько человек, затем поступил точно так же с хозяином заведения и его женой, после чего прошелся по Херст-стрит и Бромсгроув-стрит, колотя каждого, кто попадался ему на пути.

Пугаясь Лайтфута, люди разбежались в стороны. В конце концов он наткнулся на детектива Тингла. Лайтфут «занес палку над головой и обрушил на него удар, который пришелся как раз в голову и сбил Тингла с ног». Тингл смог дотянуться до нападавшего и столкнуть его на проезжую часть, но в этот момент сообщник Лайтфута снова ударил его. Завязалась драка, в итоге которой Лайтфута препроводили в полицейский участок.

В суде сержант Ричардс заявил, что Лайтфута «много раз отправляли в тюрьму за нападения на полицейских и строго осудили на выездной сессии присяжных за нападение на полицейский участок в Хэй-Миллс». В ответ суд постановил, что он «явно является опасным “острым козырьком” и будет отправлен в тюрьму на шесть месяцев».

И все же неисправимый Лайтфут продолжил нарушать закон. В течение следующих двенадцати лет он пять раз сидел в тюрьме за кражу, ограбление и нападение и несколько раз был признан виновным в игре в азартные игры, пьянстве, сквернословии и нападениях. Последний срок он получил в 1907 году за кражу двенадцати скребков. К этому времени ему было уже тридцать три и он работал литейщиком.

Джордж Хиклинг родился в 1879 году, а этот снимок был сделан в 1905-м, когда его обвинили в том, что он выдавал себя за избирателя. На нем столь любимая «острыми козырьками» кепка. Одиннадцатью годами ранее Хиклинг был одним из пяти мальчишек, которых обвиняли в разрушении железнодорожной ограды на Маунт-стрит в Нечельсе.

Каждому из них было предписано уплатить штраф в размере 2 шиллинга и 6 пенсов (12,5 пенсов).

На самом деле хулиганы вроде Лайтфута обязаны своим прозвищем острым мыскам козырьков излюбленных ими кепок. Это прямо сообщается в англусской газете «Ивнинг Телеграф», вышедшей в четверг, 31 июля 1919 года. В большой статье, озаглавленной «Каковы причины преступной эпидемии», автор заметил, что «хулиганы Хокстона и “острые козырьки”, которых прозвали так из-за их обыкновения носить кепки, представляют собой прекрасные примеры преступников-подражателей».

Кепки с твердыми козырьками начали пользоваться популярностью у мужчин и подростков, принадлежащих к рабочему классу, в конце 1880-х годов. До этого все носили на голове особую разновидность котелка, что подчеркивается в «Пост», вышедшей во вторник, 19 мая 1891 года. В газете сообщалось, что из канала в Солтли выловили тело мертвого старика, и прямо указывалось, что он «явно принадлежал к рабочему классу», так как на нем был темно-синий сержевый костюм, вельветовые брюки, ботинки на шнуровке и котелок. Однако к тому времени котелки стремительно теряли свою популярность среди молодых выходцев из рабочего класса, и на страницах «Пост» появлялось все меньше упоминаний о них. Члены бирмингемских уличных банд быстро подхватили моду на кепки – поэтому их и прозвали «острыми козырьками». Происхождение этого прозвища подтверждается терминами «козырьки» и «из козырьков», которые порой применяли к хулиганам из Бирмингема, как, например, в газете «Пост», вышедшей в четверг, 18 января 1900 года. Одним из таких «козырьков» был мой прадед по отцовской линии, которого звали Эдвард Деррик.

Мелкий бирмингемский преступник Чарльз Боутон в 1891 году. У него на голове котелок — шляпа, которая теряла популярность среди молодых рабочих.

Он родился в 1879 году, воровал и был жестоким и достойным всяческого осуждения человеком. Он носил прозвище «Бродяга» и вел преступную жизнь, как и его дедушка Джеймс. Тот родился в Корке около 1797 года и, возможно, принимал участие в битве при Ватерлоо в 1815-м, так как в гренадерском полку, сражавшемся в знаменитой битве, полжившей конец Наполеоновским войнам, числился некий Джеймс Деррик. Как бы то ни было, к 1841 году Джеймс был записан во время переписи как торговец гончарными изделиями, который жил в Билстоне с ирландским семейством Уильями Кейси. Вскоре после этого он женился на Элизе Хеннесси, которой было около шестнадцати лет. Их брак продлился недолго из-за связей Деррика с преступным миром.

В 1849 году Джеймса приговорили к трем месяцам каторжных работ в тюрьме графства Стаффорд за «кражу железа из угольной шахты». Еще через год на этот приговор снова обратили внимание, когда Джеймса признали виновным в краже медных вкладышей из шахты в Седжли и приговорили к ссылке в Австралию. Джеймса Деррика отправили в тюрьму Миллбанк в Лондоне, а затем в тюрьму Шорнклифф в Кенте. В журнале последней за 1851 год он описан как мужчина хлипкого телосложения с темными волосами и серыми глазами. Он был невысоким, всего 5 футов 4½ дюйма², худосочным, с большими тонкими ушами и широкими ноздрями. Большой палец на его правой руке был сломан, а кожа на лице изъедена оспой – видимо, Деррик болел ветрянкой или другой неприятной болезнью. Имея жену и трех детей и будучи католиком, Джеймс не умел ни читать, ни писать. Он был чернорабочим, но, как ни странно, ему дали хорошие рекомендации.

Джеймс провел в Шорнклиффе почти шесть месяцев, но после этого его не сослали, а перевели в Дартмур, что в Девоне, и в 1855 году выпустили на поруки. Похоже, он поддерживал отношения со своей дочерью Бриджит, и через десять лет она указала его как чернорабочего в своем свидетельстве о браке. Более того, она вместе с мужем проживала на Канал-стрит в Вулвергемптоне, где жил и сам Джеймс.

Он умер в 1871 году в Вулвергемптонском рабочем доме. Своим одиночеством он был обязан не только несчастливой судьбе, но и собственным прегрешениям, ведь Джеймс Деррик почти всегда жил словно бы не в своей тарелке, словно на обочине жизни. Смерть согнала его и с обочины – как нищего, Джеймса похоронили в братской могиле с другими подобными ему бедолагами, не обозначив даже места, где они нашли свой последний приют.

Что же случилось с моей прапрапрабабкой Элизой и ее детьми, когда Джеймса заключили в тюрьму? Вскоре после этого, в октябре 1850 года, ее также приговорили к шести месяцам каторжных работ за воровство, а детей определили в рабочий дом Вулвергемптонского союза. Моему прапрадеду Джону было шесть. Его мать затем вышла замуж за Уильяма Кейси, так что, возможно, они с Джеймсом не были официально женаты. К 1861 году она осталась вдовой с четырьмя детьми, которым не исполнилось и восьми лет, и переехала в Уолсолский рабочий дом.

Интересно, что проведенная в тот год перепись населения учла ее сына и моего прапрадеда Джона Деррика как пятнадцатилетнего юношу, который жил один в доме № 181 по Кок-стрит в Дарластоне и сам зарабатывал на жизнь. Он был шахтером и добывал железную руду. Через десять лет Джон переехал в Бирмингем и поселился на Херст-стрит – рядом с современным Музеем, входящим в Национальный фонд. Работая мастером по обслуживанию телеграфных столбов, он стал жить с Эдвардом Томпсоном и его овдовевшей дочерью Катериной. Через несколько месяцев Джон с Катериной обвенчались в англиканской церкви Святого Андрея в Бордсли и к 1881 году переехали в дом на Моул-стрит в Спаркбруке. С ними жила дочь Катерины от первого брака, их общая дочь Флора шести лет, сыновья Джон

² Около 164 см.

девяти лет, Джеймс четырех лет и мой прадед Эдвард, которому было всего два. Вскоре они с Джоном уже встанут на учет в полиции.

В феврале 1891 года «Бирмингем Дейли Пост» сообщила, что полицейский суд Бал-сол-Хит привлек к ответственности двадцатилетнего Джона Деррика за нападение на полицейского констебля на Томас-стрит (позже она стала частью Хайгейт-роуд в Спаркбруке). В те годы как раз свирепствовали «драчуны» и только появлялись «острые козырьки», и Джон явно принадлежал к одной из этих банд. Он был чернорабочим, жил с семьей на Эмили-стрит в Хайгейте и был «хорошо знаком полицейским властям как член банды хулиганов, которые постоянно нарушали общественный порядок в Спаркбруке».

Тридцать первого января Джон был в составе банды, которая спровоцировала драку, а когда полицейский констебль Рэгг попытался остановить ее и взять под арест одного из правонарушителей, Джон Деррик кинул в него кирпич. Инспектор Гаррисон доложил судьям, что подсудимый был «постоянным источником проблем и одним из предводителей дебоширов в округе». Деррика приговорили к тюремному заключению сроком шесть недель.

К тому времени младшему брату Джона, Эдварду, исполнилось одиннадцать лет, и он учился в ремесленном училище на Пенн-стрит, которое на самом деле находилось на Эллкок-стрит в Деритенде рядом с Хит-Милл-лейн. В 1857 году Акт о ремесленных училищах наделил мировых судей правом определять бездомных детей в возрасте от семи до четырнадцати лет в подобные учреждения. Через четыре года это право распространилось также на мальчишек младше четырнадцати лет, которые совершили преступление, наказуемое тюремным заключением, или не поддавались родительскому контролю.

По мнению клерка Бирмингемского школьного совета мистера Дж. Б. Дэвиса, «в ремесленном училище может учиться ребенок, который еще не стал малолетним преступником и не может называться таковым, но уже совершил мелкие деяния, которые фактически являются преступлениями. Это ребенок, попавший в тяжелые жизненные обстоятельства, которого нужно выволить из его окружения». К несчастью, ремесленное училище на Пенн-стрит не смогло помочь моему прадеду. В 1893 году его признали виновным в бродяжничестве, а в октябре 1894 года он отсидел семь дней в тюрьме за кражу пяти буханок хлеба. Всего через несколько недель «Бирмингем Дейли Пост» сообщила, что шестнадцатилетнего Эдварда Деррика приговорили к четырем месяцам каторжных работ за ограбление.

Затем, в 1897 году, его на два месяца посадили в тюрьму и назначили ему двухлетний надзор за кражу велосипеда. Едва он вышел из тюрьмы, как его снова осудили за сквернословие, после чего в октябре 1898 года его приговорили к двенадцати месяцам заключения за взлом счетной конторы. В полицейских записях значится, что он был ростом 5 футов 3½ дюйма³, имел синюю отметину на тыльной стороне одной из рук и запястье и татуировку в виде русалки на тыльной части другой руки.

Уже будучи рецидивистом, в 1899 году Эдвард напал на полицейского констебля, в 1900-м его арестовали за пьянство, а в октябре 1901-го под именем Фредерика Питта поймали в Стаффорде и посадили на три года за причинение вреда здоровью. Наконец, в октябре 1906 года его приговорили к двум месяцам каторжных работ за кражу корзины у вдовы.

Год спустя Эдвард Деррик женился на моей прабабке Аде Уэлдон. Венчание прошло в церкви Христа в Спаркбруке. Он назвался каменщиком, хотя ранее и заявлял, что работает портным, а позднее будет считаться продавцом металлолома и старьевщиком. Ада родилась на очень бедной Парк-стрит рядом с Булл-Ринг. Она работала на складе и жила вместе со старшей и младшей сестрой, матерью и ее вторым мужем на Вотон-стрит в Хайгейте.

³ Около 161 см.

Мой прапрадед Эдвард Деррик в возрасте 16 лет в 1895 году, когда его обвинили во взломе дома. На нем типичные кепка и шарф «острого козырька».

После свадьбы Ада переехала в дом № 23 по Стадли-стрит, который стоял всего в нескольких ярдах от дома брата Эдварда, Джеймса, снимавшего квартиру в Силлс-Билдингс.

Но брак не изменил Эдварда к лучшему. Когда в начале 1980-х годов я проводил исследования для своей докторской диссертации, мне удалось побеседовать с Лил Престон, которая жила в одном дворе с ним, его женой Адой и дочерью Мейси – моей бабушкой. Она вспоминала, что Эдвард был жестоким человеком, который, напившись, часто устраивал скандалы и переворачивал весь свой дом вверх дном, из-за чего Аде и Мейси приходилось ночевать в общественной прачечной, во дворе или прятаться от него в доме ее бабушки, всеми любимой бабули Кэри.

В нашей семье считалось, что Ада развелась с Эдвардом Дерриком, после того как он ушел от нее. Я всегда сомневался в этом, считая, что развод был слишком дорог для выходца из рабочего класса. Я ошибался. Ада действительно получила развод в 1922 году и смогла сделать это как «бедный человек» в соответствии с правилами верховного суда. Она не могла подписать ни одно из заявлений и вынуждена была ставить крест в присутствии нотариуса.

Документы на развод подтверждают, что с лета 1913 года Эдвард Деррик не обеспечивал жену и ребенка ни продовольствием, ни одеждой. Они существовали на деньги, которые Ада зарабатывала, стоя у станка на производстве меди. В апреле 1915 года в доме № 25 по Стадли-стрит Эдвард жестоко избил жену и угрожал ее убить. Через шесть месяцев он снова напал на Аду с кулаками и нанес ей телесные повреждения.

Эдвард в 1906 году, когда его признали виновным в краже корзины.

Ада Чинн, в девичестве Уэлдон, ранее Деррик (сидит справа). Снимок сделан в 1919 году на празднике по поводу окончания войны, устроенном на Стадли-стрит в Спаркбруке. Когда Ада развелась с Эдвардом, она вышла замуж за моего деда Ричарда Чинна. Мать

Ады, моя прапрабабушка Розина Уэлдон стоит слева, а рядом с ней стоит миссис Престон, мать Лил Престон. Рядом с Адой сидит миссис Уэлдрон.

Подчеркивалось, что «он часто напивался, бранился и сквернословил» в адрес Ады, а также «постоянно разбивал мебель и дважды вламывался в дома». К счастью, в январе 1916 года он бросил жену и дочь и переехал в Ковентри, где поселился на Бревери-стрит вместе со вдовой миссис Мерфи.

«Козырьки» вроде моего прапрадеда Эдварда Деррика и «драчуны» вроде его брата Джона были хулиганами, которые дрались друг с другом, нападали на невинных людей и совершали мелкие правонарушения. Нет никаких свидетельств, что они занимались крышеванием. Однако один человек, который, вполне вероятно, был «острым козырьком», сразу после Первой мировой войны действительно стал крышевать английские ипподромы и вскоре превратился в самого могущественного гангстера Англии. Он добился этого, возглавляя грозную «Бирмингемскую банду» и руководя ее лондонскими союзниками – «Парнями из Элефанта» и «Камденской бандой». Его звали Билли Кимбер.

Глава 2

«Бирмингемские парни»

Появления печально знаменитых «Парней» из Бирмингема боялись все посетители скачек по всей Англии. Удивляться здесь нечему, ведь они были жестокими людьми, которые обворовывали зрителей, пришедших на бега, и вымогали плату за крышевание у букмекеров. Майор Фэйрфакс-Блейкборо, написавший множество заметок о скачках, утверждал, что к 1880-м «Бирмингемские парни» потеряли свое доброе имя и забыли о приличиях, не занимаясь ничем, кроме грабежей, и стали представлять собой серьезную угрозу».

Они были «отчаянными, опасными, дерзкими ребятами», которые держали в страхе всех и вся, и 13 января 1935 года Фэйрфакс-Блейкборо заметил в газете «Сандей Меркьюри», что однажды их появление в Скарборо вместе с их союзниками из Лидса «вызвало такой переполох, что полиция арестовала их еще до начала скачек, препроводила на железнодорожную станцию, посадила в ближайший поезд и отправила домой». Но «Бирмингемские парни» никогда не забывали обид и всегда добивались кровавой мести. В 1893 году, снова заручившись поддержкой хулиганов из Лидса, они вернулись в прибрежный йоркширский город и устроили настоящий разгром. Во время хорошо организованного нападения часть бандитов осадила турникеты главного входа и украла всю дневную выручку.

Несколько дежурных полицейских не могли справиться с дебошем, и десятки хулиганов перелезли через забор, отделявший трибуны от поля, забрали у зрителей часы и деньги и «совершили налет» на букмекеров. Одним из них был Том Деверо. Он сказал Фэйрфаксу-Блейкборо, что, «угрожая всем палками и пустыми бутылками, всех заставили лечь на землю у входа». Другой напуганный свидетель заявил, что «минут десять вокруг царило беззаконие», а полицейское подкрепление задержалось в пути, так как ипподром находился в трех милях от города на вершине очень крутого холма.

Отступление «Бирмингемской банды» было столь же организовано, как и нападение. Хулиганы будто растворились в воздухе. Никто из них не сел на поезд из Скарборо и не прибыл на вокзал Бирмингема, где их караулила полиция. Автотранспорта тогда не было, поэтому считается, что гангстеры своим ходом добрались до Дерби, где через несколько дней должны были состояться скачки. Там они поделили трофеи.

Этот «рейд» привел к закрытию скачек в Скарборо – из-за налетов «Бирмингемских парней» такая же судьба постигла ипподромы Холл-Грин и Саттон-Колдфилд. Через пять лет об их дурном поведении узнала вся страна. «Грубияны с ипподромов» беспокоили все больше людей, и 13 августа 1898 года репортер «Дейли Телеграф» привел слова чиновника, которому по долгу службы приходилось иметь дело с хулиганством. Он заметил «любопытный факт, что, хотя общий уровень преступности по всей стране снизился, ситуация на скачках не изменилась».

Больше всего грубиянов и воров «происходило из Бирмингема, и некоторые из них были совсем опустившимися людьми. Бирмингемцы, как и вся их братия, работали группами по шесть, семь и восемь человек и никогда не разделялись». С этим организованным хулиганством было сложно бороться. В частности, преступники окружали своих жертв и ставили им подножки, а затем грабили их, хватая сумочки, цепочки и часы. А по дороге на ипподром и обратно они обманывали легковерных попутчиков, играя с ними в карты.

Грабежи и разбои мелких шаек, известных под общим названием «Бирмингемские парни», продолжались много лет, хотя они редко собирались такими большими группами, как при нападении на Скарборо. В 1856 году местная газета сообщила, что бирмингемские скачки с препятствиями перемещены из Астона из-за «буйного и неподобающего поведения

огромного числа бирмингемцев, которых метко называют “грубиянами”». Новой площадкой стал город Ноул, куда, как считалось, добираться было гораздо сложнее. Это предположение было ошибочным.

Бирмингемский букмекер Билл Эшби младший собирает ставки на скачки в Портленде и Донкастере вскоре после окончания Первой мировой войны; спасибо Маку Джозефу. Ува-

жаемым букмекерам вроде него во многих местах приходилось платить деньги за «крышу», чтобы их не побили.

Тысячи людей гигантскими группами приезжали из Бирмингема на поездах по Главной западной ветке, на запряженных лошадьми омнибусах и всяческих других транспортных средствах. Среди них были «наперсточники, шулера и другие “профессионалы” подобного сорта, которые наводняли ипподром». В округе не было ни одного полицейского, и «порядок поддерживался исключительно силами горстки миролюбивых зрителей, а огромное количество карманников каждый раз срывало куш».

«Бирмингемские парни» не ограничивали свою криминальную активность лишь местными ипподромами: очень скоро они начали орудовать по всему региону. Через год после бесславных событий в Ноуле газета «Дерби Меркьюри» от 16 сентября 1857 года упомянула, что Майкл Доулинг и Майкл Лоури накануне скачек прибыли в Дерби на дополнительном поезде из Бирмингема. Их арестовали за карманные кражи на ипподроме, и каждого приговорили к месяцу каторжных работ.

К лету 1871 года «Парни» из Бирмингема пользовались такой дурной славой, что газета «Ист Лондон Обсервер» заметила, что недавние скачки в Оксфорде предоставили «ворам и мошенникам из столицы, Бирмингема и других городов прекрасную возможность обогатиться за счет публики, так как на трибунах и за их пределами произошло бесчисленное количество краж».

Через четыре года, 6 апреля 1875 года, газета «Челтнхем Кроникл» написала, что двоим бирмингемцам было предъявлено обвинение в попытке совершения карманных краж на местном ипподроме. Городской детектив сообщил суду, что Чарльз Хеммингс из Файв-Уэйс и Джордж Уоллес из Дейл-Энда «часто посещали различные скачки и обворовывали зрителей и несколько раз были арестованы на месте преступления».

Каждого из них приговорили к тюремному заключению сроком на три месяца. В том же самом суде Джордж Уилсон с Личфилд-роуд из Астона обвинялся в том, что он слонялся с намерением совершить преступление на железнодорожной станции Мидленд. Похожий на попрошайку, он был «членом банды воров из Бирмингема». Судьи оправдали Уилсона, но предупредили его, что, если его еще раз заметят шатающимся без дела по городу, его будет ждать суровое наказание.

9 мая 1881 года «Бирмингем Дейли Пост» сообщила о нескольких случаях азартной игры и грабежа, совершенных бирмингемцами на скачках в Стратфорде. Генри Томаса с Гудвин-стрит приговорили к 28 дням каторжных работ за кражу бумажника; такое же наказание получил Томас Шелтон с Кросс-стрит за владение игровым автоматом, который был ошибочно назван «Честным Билли». Третий преступник, Томас Холлоуэй, он же Мидоус, из Друри-лейн, предстал перед судом за кражу билетов, которые букмекер выдавал игрокам. Детектив-сержант Орр из полиции Бирмингема описал Холлоуэя как одного из худших жителей города. Он провел полжизни в тюрьме и был судим шестнадцать раз, иногда за очень серьезные преступления.

Томаса Осборна с Мэссаус-лейн тоже обвинили в краже билетов на ставках и приговорили к 28 дням каторжных работ, а бирмингемцев Джеймс Уолдрона, Уильяма Уильямса и Уильяма Уорнера на четырнадцать дней заключили в тюрьму за то, что они с преступными намерениями шатались по улицам. Детектив-сержант Орр и другой бирмингемский полицейский назвали Уорнера «одним из худших воров Бирмингема».

Троих человек также обвинили в мошенничестве с картами на тракте. Это были Уильям Мартин, он же Колледж, с Виндмилл-стрит, который был ранее судим тринадцать раз и приговорен к трем месяцам каторжных работ, Джеймс Эдвардс с Барфорд-стрит и Джеймс Генри Лик с Канал-стрит, самопровозглашенный «Король шулеров». Каждому дали

по месяцу тюремного заключения. Все деньги, найденные при трех жуликах, было приказано пустить на их содержание в тюрьме.

Лик занимался мошенничеством еще как минимум двадцать лет. 10 мая 1902 года газета «Манчестер Курьер энд Ланкашир Джeneral Адвертайзер» описала его как торговца, живущего на Прайс-стрит в Ган-Квотер, которого арестовали за шулерство на скачках в Честере. Детектив из Бирмингема заявил, что Лик является одним из главных шулеров в городе, и что именно он обычно распоряжается их деньгами и финансирует остальных. Его действительно до сих пор называют «Королем шулеров». Лика приговорили к одному месяцу каторжных работ.

Бирмингемские воры постоянно вызывали проблемы, и 19 мая 1887 года «Бат Кро-никл энд Уикли Газетт» подчеркнула это, сообщив читателям, что накануне скачек графства Сомерсет в Бат прибыла банда примерно из четырнадцати шулеров. За несколько дней до этого пятерым бирмингемцам подозрительного вида было предъявлено обвинение в покушении на совершение преступления, когда они бродили по станции Шраб Хилл в Вустере и высматривали жертву. Газета «Бирмингем Дейли Пост» от 13 мая утверждала, что они приехали в город, чтобы пойти на скачки, но по пути были перехвачены начальником полиции. Его сопровождал детектив из полиции Бирмингема, который отправился на станцию, чтобы помешать осуществлению гнусных намерений карманников.

Само собой, банды воров из Ливерпуля, Манчестера, Шеффилда, Ноттингема и различных районов Лондона тоже промышляли на местных ипподромах, но бирмингемские преступники, как и их столичные коллеги, похоже, были решительно настроены орудовать не только в собственной сфере влияния в Мидлендс и Уэст-Кантри, но и далеко за ее пределами. Такая преступность поддерживалась относительно низкими ценами на железнодорожные билеты. Без сомнения, самый большой куш можно было сорвать в Лондоне.

Осенью 1890 года газета «Шеффилд Дейли Телеграф» опубликовала интересную заметку о «Самом умном карманнике Лондона». Джеймс Кэрни обладал «удивительно маленьким ростом и едва доставал макушкой до балюстрады вокруг скамьи подсудимых в полицейском суда Саутворка» во время заседания, состоявшегося 3 ноября. Он предстал перед судом за то, что вылил на девушку чашку горячего кофе безо всякой на то причины, после чего повел себя грубо и не смог унять сквернословия, когда его схватили.

Пока Кэрни сидел на скамье подсудимых, его узнал детектив-сержант, который пришел в суд по другой причине. Он заявил, что преступник был «известным воров и, хотя ему не исполнилось и семнадцати, уже возглавлял шайку молодых воров, известную под названием “Бирмингемские парни”». Подельник знаменитого хозяина публичного дома и наставник молодых воров, Кэрни «был знаком всему Скотланд-Ярду как самый умный карманник Лондона».

Преступник явно гордился своей ужасной репутацией, улыбался и смотрел в потолок. Когда его приговорили к 21 дню каторжных работ, он повернулся, улыбнулся девушке, а затем «весьма нахально прыгнул со скамьи подсудимых». По дороге в тюрьму Кэрни кривлялся и изображал детектива-сержанта, «развлекая тем самым других заключенных».

В Лондоне было множество привлекательных для карманников мест, но большинство из них все же предпочитало ипподромы, куда стекались разного рода жулики и аферисты. Это объяснялось беспечностью многих посетителей бегов и тем, что в большой толпе было легко затеряться. В августе 1885 года «Дейли Телеграф» опубликовала большую статью о проблеме жуликов (аферистов) и грубиянов под заголовком «О разгуле преступности». Называя себя «одним из многих», журналист на поезде поехал на крупные бега вместе с инспектором полиции. Во время этого путешествия он встретился с компанией «отъявленных негодяев».

Они были хуже обычных громил, потому что в них сочеталась любовь к погромам, хитрость и беззастенчивая жестокость. Зачастую они были вполне прилично одеты и достаточно образованы, чтобы поддержать непринужденный разговор с любой своей жертвой. Они работали группами по четыре-пять человек и выслеживали тех, кто выигрывал на скачках, чтобы лишить их всех денег. Если украдкой этого сделать не получалось, они переходили к насилию.

Один человек по прозвищу Красавчик Браун вспоминал, как вместе с ребятами «выследил» парня, который выиграл на скачках огромную сумму в 70 фунтов, что равнялось годовому заработку квалифицированного работника. Намеченная жертва понимала, что находится в опасности, и ни на шаг не отходила от двух высоких приятелей. Засунув руку глубоко в карман и сжимая там деньги, парень чувствовал себя в безопасности, пока Красавчик Браун не подошел к нему сзади и не ткнул ему в голову жесткой медной булавкой. Почувствовав боль, парень вскрикнул и вытащил руку из кармана, после чего его тут же мастерски обобрали.

Именно разгул преступности на многих ипподромах заставлял «Дейли Телеграф» не раз стенать о хулиганстве на скачках в серии заметных статей, опубликованных в 1898 году. В «Ньюкасл Джорнал» от 29 августа того же года сообщалось, что это, бесспорно, тема для романа, к которой «за последние двадцать лет время от времени обращались все ведущие спортивные газеты». Более того, хулиганство не было «специфической болезнью, характерной лишь для скачек».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.